

Генри Хаггард

Эйрик Светоокий

Генри Райдер Хаггард
Эйрик Светоокий

«Public Domain»

1890

Хаггард Г.

Эйрик Светлоокый / Г. Хаггард — «Public Domain», 1890

Что может ощутить карлик, вскормленный волчицей, вглядываясь, в бесконечность ослепительной холодной белизны? Что почувствует, как поведет себя человек на самой грани жизни и смерти? Только такие вопросы увлекают воображение Райдера Хаггарда. Романтика экстремальных положений, любовь на разрыв аорты, ненависть, оставляющая на поверхности лишь победителя! Мир без полутонов и нюансов, жестокий, яростный и прекрасный – единственный мир Хаггарда.

Содержание

I. Как жрец Асмунд нашел колдунью Гроа	6
II. Как Эйрик сказал про свою любовь Гудруде Прекрасной в метель на Кольдбеке	9
III. Как Асмунд жрец пригласил Эйрика к себе на праздник	13
IV. Как Эйрик пришел через Золотой водопад	17
V. Как Эйрик добыл себе меч Молнии Свет	20
VI. Как Асмунд жрец помолвился с Унной	25
VII. Как Эйрик ходил против Скаллагрима берсерка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Генри Райдер Хаггард Эйрик Светлоокый

* * *

I. Как жрец Асмунд нашел колдунью Гроа

Жил на юге человек, еще задолго до того времени, когда Тангбранд сын Вильбальдуса стал проповедовать Христа в Исландии¹. Звали этого человека Эйрик Светлоокый, сын Торgrimура, и в те дни не было человека, равного ему по силе, красоте и смелости, во всем он был первый.

Там же, на юге, жили две женщины, неподалеку от того места, где западные острова всплыли над морем. Одну звали Гудруда Прекрасная, другую – Сванхильда, прозванная Незнающей Отца. Они были сводные сестры, и не было равных им женщин в те дни: они были прекраснее всех. Однако между ними не было ничего общего, кроме крови и ненависти.

Обе эти прекрасные женщины увидали свет Божий в один и тот же день и в один и тот же час. Эйрик же Светлоокый был старше их на целых пять лет. Отец Эйрика был Торgrimур Железная Пята, могучий богатырь; во время борьбы с одним берсерком² он потерял ногу и с того времени ходил на деревянной ноге, окованной железом, отчего его и прозвали Железной Пятой. Но, оставшись без ноги и стоя на одной ноге, Торgrimур, держась за выступ скалы, поразил берсерка, и за этот подвиг люди чтили и уважали его. Торgrimур был зажиточный поселянин, не скорый на гнев, справедливый и богатый друзьями. Уже в поздние годы он взял себе в жены Савуну, дочь Торода. Она была лучше всех женщин, но не по красоте, а по твердости ума. Она была ясновидящей и имела волосы такие, что могла завернуться в них вся, с головы до пят. Эта супружеская чета имела всего только одного сына Эйрика, которого Савуна родила, будучи уже в преклонных летах.

Отец Гудруды был Асмунд сын Асмунда, жрец Миддальгофа, мудрейший и богатейший из всех людей, живших тогда на юге Исландии. Он имел много земель и угодий, а также два больших торговых судна и одно длинное военное судно. Имея много денег, он давал их в рост другим. Нажил он свои деньги, когда был викингом и грабил английское побережье, и много черных дел приписывала ему молва, вспоминая о его жизни в молодые годы. Он был викинг с «обагрёнными кровью руками». Асмунд был красивый мужчина с голубыми глазами и большой русой бородой, его считали очень искусным и сведущим в законах. Асмунд очень любил деньги, и все кругом боялись его, но это не мешало ему иметь много друзей, так как с годами он стал добрее и ласковее к людям. Он взял себе в жены Гудруду, дочь Бьерна, кроткую и добрую, прозванную Гудрудой Милой.

От этого брака родились Бьерн и Гудруда Прекрасная. Бьерн выросстал, походя на своего отца в его молодые годы, был силен, жесток и жаден до наживы. Гудруда, за исключением редкой, бесподобной красоты, была вся в свою мать.

Мать Сванхильды Незнающей Отца была Гроа колдунья, родом из Края Финнов, и молва говорила о ней, что судно, на котором она плыла, стараясь стать под ветром Западных островов³ в сильную бурю, разбилось в щепки о прибрежные скалы, и все, кто был на нём, погибли. Только Гроа спаслась своим колдовством. Когда Асмунд жрец наутро после бури проезжал по берегу, отыскивая сбежавших ночью коней, то увидел красавицу, одетую в ярко-красный плащ и широкий золотой пояс, сидевшую на скале над морем. Она расчесывала свои длинные черные кудри и пела тихую песню, а у ее ног в воде перекачивалась с приливом и отливом голова мертвого человека. Асмунд жрец спросил ее, откуда она.

– С Лебединого озера! – ответила красавица.

---

¹ Христианство было принято исландцами в 1000 г.

² Берсерками (берсеркерами) скандинавы называли воинов, одержимых дикой яростью. От бешенства они грызли зубами края своих щитов и в припадке боевого исступления убивали всех, кто попадался им на глаза.

³ Речь идет об островах Вестманнаэйяр (островах Западных Людей) у южных берегов Исландии.

Затем он спросил ее, где ее родня.

Тогда женщина указала ему на голову мертвого человека и сказала, что это все, что осталось от ее родни.

Опять Асмунд спросил ее, кто был этот мертвый человек. Она засмеялась и снова запела свою песню, а в песне ее говорилось, что боги смерти протянули свои жадные руки к супругу Гроа, что свет не видел другого такого отважного викинга, а теперь волны играют его головой. Дальше в песне говорилось, что в прошлую ночь норны⁴ бушевали, и голоса их говорили ей об Асмунде жреце и о детях, которые должны будут родиться.

– Кто сказал тебе мое имя? – спросил удивленный Асмунд.

– Волны сказали мне еще, что ты выручишь меня!

– Ну, это твое счастье! – сказал жрец. – Но я боюсь, что ты чародейка!

– И чародейка, и чаровница! – отозвалась она и опять звонко засмеялась.

– Правда, ты прекрасна и можешь быть чаровницей, – согласился Асмунд жрец, – но скажи мне, что мы будем делать с этим мертвым человеком?

– Пусть он лежит на дне моря, и пусть все супруги лежат там! – проговорила Гроа.

После этого Асмунд взял ее с собою в Миддальгоф и дал ей участок земли и жилье, и там она стала жить одна. Он часто пользовался ее премудростью и таинственными силами.

Год спустя после того, как Асмунд жрец нашел колдунью Гроа, случилось так, что Гудруда Милая забеременела, и когда настало ей время родить, родила дочь редкой красоты. В тот же день и Гроа колдунья тоже принесла дочь, и люди удивлялись, кто бы мог быть ее отцом, так как Гроа не имела мужа. Женщины болтали между собой, что отцом этого ребенка был тот же жрец Асмунд. Когда ему говорили об этом, он очень гневался и утверждал, что никогда колдунья не может иметь от него ребенка, как бы прекрасна она ни была. Когда люди спрашивали об этом Гроа, то та, смеясь, говорила, что ничего не знает об этом, так как никогда не видала в лицо отца своего ребенка, который выходил ночью из воды и на заре уходил. Многие думали, что это был колдун или же дух ее умершего мужа. Другие же говорили, что Гроа лгала, как часто лгут в таких делах женщины. Но ложь ли то была или правда, только ребенок был налицо, и его назвали Сванхильдой.

Случилось так, что за час до того времени, как Гудруда Милая родила ребенка, Асмунд пошел в храм поддержать священный огонь, что горел день и ночь на жертвеннике перед изображением богини Фрейи⁵. Присев на скамью перед святилищем, Асмунд вдруг заснул и увидел странный сон про белого лебедя и черного коршуна и про белую голубку и черного ворона.

И когда пробудился и пошел из храма, ему попалась навстречу женщина и с плачем крикнула: – Спешу, спешу домой! У тебя родилась дочь, но Гудруда, жена твоя, умирает!

Действительно, на широкой постели под пологом в большой горнице Миддальгофа лежала Гудруда Милая и умирала. Заслышав шаги, она спросила:

– Ты ли это, супруг мой любезный? Пришел ты не рано, это мой последний час, так выслушай, что я хочу сказать тебе: возьми ты новорожденную, прижми к своей груди, поцелуй, окропи водой и назови моим именем!

Асмунд сделал все по словам жены.

– Теперь слушай меня, супруг, – продолжала Гудруда Милая, – я всегда была тебе хорошей женой, а ты не всегда был мне хорошим мужем и ты загладишь эту вину, если дашь мне клятву, что будешь любить и беречь это дитя, хотя она и девочка!

– Клянусь тебе! – отвечал Асмунд.

---

⁴ Норны – женские божества, определявшие судьбу людей при их рождении, которую не могли изменить даже всемогущие боги.

⁵ Фрейя – богиня плодородия, любви и красоты.

– Затем поклянись мне, что не возьмешь себе в жены колдунью Гроа и не будешь иметь с ней никакого дела; это я говорю для твоей же пользы, так как через нее ты найдешь себе смерть. Клянись!

– Клянусь! – сказал Асмунд жрец.

– Это ты хорошо делаешь, – продолжала Гудруда Милая. – Если же нарушишь свою клятву, так постигнет тебя и весь дом твой великое горе. Ну, теперь простись со мной, я умираю!

Асмунд склонился над нею и поцеловал ее. Говорят, он много плакал в этот день.

Покойницу зарыли в землю, и жрец Асмунд много и долго горевал о ней.

Но сон, который он видел тогда, мучил его и не давал ему покоя, а из всех толкователей снов во всей той стране не было никого искуснее Гроа. Когда Гудруда уже семь суток лежала в земле, Асмунд отправился к Гроа, но с не совсем чистой совестью, так как еще помнил свою клятву, данную жене.

Гроа лежала на постели, и дитя ее лежало у ее груди.

– Приветствую тебя, господин мой! – сказала она. – Что желаешь ты от меня?

– Видел я страшный сон, – промолвил Асмунд. – И ты одна можешь разгадать его. – И он пересказал ей свой сон от слова до слова, весь по порядку.

– А что ты дашь мне, если я тебе разгадаю его? – спросила Гроа колдунья.

– Чего же ты хочешь? Думается мне, что я дал тебе и так очень много.

– Да, господин мой! – колдунья посмотрела на своего ребенка.

– Ты дал мне очень много, и теперь я прошу у тебя очень малого: возьми на руки это дитя окропи его водой и дай ему имя!

– Люди станут говорить мне, – сказал жрец, – если я сделаю то, чего ты желаешь, что это дело отца!

– То, что люди говорят, неважно! Молва, что морская волна, набежит и отхлынет, ветер развеивает и разносит молву. И ты дашь людям ложь в самом имени ребенка, ты назовешь ее Сванхильдой Незнающей Отца. Впрочем, как хочешь, но только без этого я не разгадаю тебе твоего сна!

– Так истолкуй ты мне сон, а я дам имя ребенку! – согласился Асмунд.

– Нет, прежде сделай ты, что обещаешь; тогда я буду знать, что никакой беды не приключится ей от тебя!

И Асмунд взял ребенка на руки, окропил его водой и дал ему имя. Тогда Гроа истолковала Асмунду его знаменательный сон, сообщив, что дочь ее Сванхильда восторжествует над его дочерью Гудрудой и каким-то могучим человеком, и что оба они умрут от ее руки, и еще многое другое.

Асмунд, придя в ярость от этого известия, воскликнул:

– Ты была разумна, что заставила меня хитростью своей дать имя твоему ублюдку! Иначе я убил бы ее тут же на месте!

– Теперь ты не можешь этого сделать, господин мой, ты держал ее на своих руках! – засмеялась Гроа. – Лучше пойди да схори свою Гудруду Прекрасную на холме Кольдбек, этим ты положишь конец всем бедам и несчастьям, ожидающим тебя впереди.

– Этому не бывать! – воскликнул жрец. – Я поклялся любить и беречь ее и клялся такою клятвой, которая никогда не может быть нарушена!

– Ну и хорошо! – снова засмеялась Гроа. – Пусть все случится, как судьбой суждено. На Кольдбеке много места для могил, да и море охотно прикрывает своим саваном мертвецов!

Асмунд ушел от колдуньи в гневе и смущении в душе.

II. Как Эйрик сказал про свою любовь Гудруде Прекрасной в метель на Кольдбеке

За пять лет до смерти Гудруды Милой Савуна, жена Торgrimура Железной Пяты, родила сына на Кольдбеке на болоте, что над рекой Ран. Когда отец пришел посмотреть на ребенка, то сказал:

– Это необычайный ребенок, волосы его светлы, как спелый колос, как чистое золото, а глаза светятся, как звезды! – И он принял его на руки, назвав его Эйриком Светлооким.

От Миддальгофа до Кольдбека всего только один час езды на добром коне, и вот однажды случилось Торgrimуру поехать в Миддальгоф на праздник Юуль на поклонение в храм, так как он состоял в приходе Асмунда сына Асмунда. Сына своего Эйрика Светлоокого взял Торgrimур с собой в Миддальгоф, там была и Гроа со Сванхильдой, так как теперь Асмунд уже забыл свою клятву и колдунья жила в Миддальгофе.

Как-то случилось, что эти трое прекрасных детей сошлись вместе и стали играть. У Гудруды Прекрасной была деревянная лошадка, и Эйрик стал возить девочку на ней, но Сванхильда сбросила Гудруду с ее лошадки и, сев сама на нее, крикнула Эйрику, чтобы он возил ее. Тот стал утешать Гудруду и не захотел исполнить желание Сванхильды. Тогда Сванхильда, разгневавшись, сердито крикнула:

– Раз я хочу этого, ты должен меня возить!

Эйрик тогда толкнул лошадку так сильно, что та опрокинулась, и Сванхильда упала чуть не в самый огонь очага. Вскочив на ноги, она схватила горящую головню и пустила ее в Гудруду, запалив ее одежду. Эйрик подросел и потушил огонь, потом отошел с Гудрудой в сторону от Сванхильды, не желая больше даже говорить с ней.

Мужчины смеялись, а Гроа смотрела мрачно и шептала какие-то таинственные заклинания.

– Что ты смотришь так мрачно, управительница? – спросил Асмунд. – Этот мальчик красавец, вид его веселит сердце!

– Красавец он есть и век свой будет красавцем, – проговорила Гроа, – но против злосчастья своего ему не устоять! Через женщину он найдет себе смерть и умрет, как герой, но не от руки врагов!

Годы шли. Гроа жила со своей дочерью Сванхильдой в доме Асмунда и была его любовью. Но Асмунд, хотя и забыл почти свою клятву, все же не хотел взять ее себе в жены. Это сильно озлобляло колдунью.

Прошло двадцать лет с тех пор, как Гудруда Милая лежала в земле. Гудруда Прекрасная, а также Сванхильда были обе взрослые женщины, Эйрику было уже двадцать пять лет, и никогда другого подобного ему человека не жило в Исландии: он был силен и ловок, ростом высок, складом могуч; кудри его были, словно золото, глаза светились, как звезды или как лезвие доброго меча. Он был нежен и ласков, как женщина, и уже юношей сила его равнялась силе двух здоровых мужчин. И не было во всей округе ни одного юноши и ни одного мужчины, который мог бы плавать, прыгать или бегать, как он, или же мог побороть его.

Люди уважали его, хотя до того времени он еще не совершил никакого подвига, а жил скромно на Кольдбеке, ведя свое хозяйство, возделывая землю и разводя стада: к этому времени отца его, Торgrimура, уже не было в живых. Женщины все любили его, но он любил только одну из всех женщин, Гудруду Прекрасную, дочь Асмунда. Та также любила только его одного. Это была красивейшая из всех женщин: волосы ее были, как у Эйрика, светлые,

золотистые; сама она была бела, как снег на вершине Геклы⁶, а глаза были большие и темные и смотрели так ласково и любовно из-под темных бровей и ресниц. Роста она была высокого, станом стройная, сильная и гибкая, лицом радостная и приветливая, сердцем нежная, по уму с ней не могла сравниться ни одна женщина.

Сванхильда тоже была прекрасна; маленькая, но стройная и сильная, лицом смуглая, с глазами синими и глубокими, как море; кудри ее были черны, как смоль, и покрывали ее, как плащ, до колен. Души же ее никто не мог разгадать: все в ней было тайна и мрак. Больше всего любила она привлекать к себе сердца мужчин и затем осмеивать их, и многих она обольстила и обманула, хорошо изучив женское искусство. Сердце у нее было холодное, и желала она только власти и богатства. Но она любила одного человека, и это была та отравленная стрела, которой судьба пронзила ее жестокое сердце: человек этот был Эйрик, но он не любил ее. Кроме него, все для нее было беспросветной тьмой; она обучалась у матери своей чарам и колдовству и старалась всеми силами приворожить его к себе. А Эйрик не видел никого, кроме Гудруды, не слышал никого, кроме нее, не думал ни о ком, как только о ней, хотя до того времени они еще не признались друг другу в своей любви.

Сванхильда, хотя и не имела любви к своей матери, в горе своем пошла просить ее помощи и сообщила ей:

– Я люблю одного только Эйрика и ненавижу Гудруду; хочу пересилить ее и приколдовать к себе Эйрика. Помоги мне!

Гроа отвечала:

– Вот что я думаю сделать: Асмунд хочет отдать свою дочь за человека знатного и богатого, а такому простому поселянину, как Эйрик, не отдаст. Мы скажем ему, что Гудруда нарушает девичью скромность с Эйриком Светлооким, и Асмунд прогонит его из дома своего, а тем временем я пошлю Колля Полоумного, моего траля⁷, которого мне подарил Асмунд, на север, где живет богатый, прославленный и могущественный человек по имени Оспакар Чернозуб. Он недавно овдовел и пустил молву, что хочет взять себе в жены самую красивую девушку в Исландии. Колль понараскажет ему чудес о Гудруде, и тот станет сватать ее. Если все пойдет хорошо, ты избавишься от твоей разлучницы. Если же это не удастся, то есть еще два средства: или обольстить Эйрика своей красотой и отбить его у Гудруды, или же – и это средство вернее – нож в твоей руке, а сердце в груди Гудруды. Мертвая красавица не соперница для живой!

Так говорила Гроа колдунья своей дочери, затем добавила:

– Я тоже ненавижу эту надменную девушку, которая мне стоит поперек дороги! Если бы не она, я давно была бы женою Асмунда. Она не терпит меня, так как я свет любви ее отца, и я хочу видеть эти золотые кудри потускневшими от дыхания смерти или, по крайней мере, глаза ее плачущими от позора и муки, когда человек, которого она ненавидит, назовет ее своею женой и увезет отсюда на свою мрачную и угрюмую родину!

И вот Колль Полоумный отправился исполнять поручение своей госпожи. До праздника Юуля оставался всего один месяц. Люди сидели по домам: время было темное, и выпало много снега, но, наконец, пришли и морозы, небо прояснилось. Гудруда, сидя за веретеном в большой горнице Миддальгофа, увидела ясное небо и вышла к женским воротам замка. Снег был крепкий и белый, и ее стало манить в открытое поле. Накинув плащ, она пошла по дороге к Кольдбеку, что над болотом, у реки Ран. Сванхильда, всегда следовавшая за нею, тоже взяла плащ и пошла по ее следам. Долго шли они, пока Гудруда не заметила, что на небе собираются тучи, и не повернула домой. Между тем снег уже начал падать густыми хлопьями, и вскоре занесло всю долину и замело следы. Сумрак окутал окрестность; время клонилось к вечеру. Гудруда шла и шла, сама не зная куда. Сванхильда также неотступно следовала за нею. Скоро

---

⁶ Гекла – один из крупнейших вулканов Исландии.

⁷ Трабль – раб, слуга. – Примеч. перев.

силы стали изменять Гудруде, и она присела на скалу, торчавшую из-под снега. Ее стал клонить сон; веки тяжелели и смыкались против воли. Неподалеку торчала другая скала или камень, и на нем приютилась Сванхильда. Гудруда временами открывала глаза и вдруг заметила сквозь метель точно в тумане движущийся предмет. Вскочив на ноги, она громко позвала на помощь. Ей отозвался мужской голос, и минуту спустя с Гудрудой поравнялся всадник. Это был Эйрик Светлоокый.

– Ты ли это, Гудруда?

– Эйрик! Это ты! – отозвалась она. – Сама судьба привела тебя сюда в добрый час: еще немного, и глаза мои никогда больше не увидели бы тебя; они уже начинали смыкаться сном смерти!

– Так ты заблудилась?! Заблудился и я. Снегом все занесло... ты не зябнешь, Гудруда?

– Немного! Сядь здесь рядом со мной, тут есть место и для тебя! С минуту они молчали. Сванхильда подползла ближе к ним и притаилась в снегу, у них за спиной, а снег, падая густыми хлопьями, засыпал ее.

– Знаешь, что я думаю, Эйрик? – сказала Гудруда. – Что мы оба умрем здесь, в снегу!

– Что же, лучшей участи я не желаю!

– Не говори так, для тебя это плохой конец. Тебе предстоит совершить целый ряд славных дел!

– Но подле тебя я умру счастливым! – сказал он и прижал ее к своей груди. – Смерть подходит к нам ближе и ближе, и прежде, чем она возьмет нас, я хочу сказать тебе одно слово, если ты только позволишь!

Девушка отвечала:

– Говори, Эйрик!

– Я хотел сказать тебе, Гудруда, что люблю тебя больше жизни и не хочу лучшей доли, как умереть в твоих объятиях! Ты для меня все, и жизнь без тебя для меня хуже смерти! Скажи мне теперь свое слово!

– Я не скрою от тебя, Эйрик, что твои слова сладки для моего слуха, и что в моем сердце тоже живет любовь к тебе, Светлоокый!

– Так поцелуй меня, прежде чем смерть возьмет нас с тобой!

И они поцеловались впервые в снегу на Кольдбеке; хотя губы их были холодны, но сердца горели, и поцелуй был жаркий и долгий. Сванхильда услышала этот поцелуй, и кровь застыла у нее в жилах. Гнев распалил ее сердце, и она схватилась за нож, что висел у нее на поясе.

– Нет, – сказала она, – мороз убьет ее не хуже ножа, пусть все мы умрем, и снег заметет наши страсти!

– Поклянись мне, дорогая, что, если мы каким либо чудом останемся живы, ты всегда будешь любить меня, как сейчас! – говорил между тем Эйрик.

– Клянусь и еще клянусь, что не буду ничьей женой, как только твоей! – И они снова скрепили клятву свою поцелуем. А снег падал все чаще и чаще и засыпал их, а вместе с ними и Сванхильду.

– Слушай, Эйрик, – проговорила тихонько Гудруда, прижавшись к его груди, – чудится мне что-то на снегу. Что-то говорит мне, что мы с тобой не умрем, но что я умру так, подле тебя! Видишь, тут, на снегу, я лежу с тобой и сплю, и чьи-то руки протягиваются ко мне... Ах! Это Сванхильда!.. Вот и исчезло видение!

– Это туман на снегу, сон или греза, родная, сон смыкает и мои очи, я стыну... поцелуй меня еще раз!

И снова сомкнулись уста их, холодные как лед.

– О, Эйрик! Эйрик! Проснись! Гляди, там огни играют!

И Эйрик вскочил на ноги и посмотрел в ту сторону, где ярким заревом занялось на небе северное сияние, и при свете его он вдруг увидел Золотой водопад, а вдали на море Западные острова и храм Миддальгофа.

– Мы спасены! Вон замок твоего отца, – сказал Эйрик и разом ожил. Стряхнув снег со спины своего коня, он посадил Гудруду на него, а сам пошел рядом, ведя его под уздцы, торопясь прийти в замок, пока не погас волшебный огонь.

Сванхильда ползком поплелась следом. Она часто изнемогала от усталости, но затем снова собиралась с силами и кралась за ними. Злоба и ненависть, кипевшие в ее сердце, не давали ей замерзнуть.

Так дошли они до замка Асмунда. Сванхильда перелезла через торфяную ограду и вошла, никем не замеченная, через ворота. Эйрик же подвез Гудруду к другим воротам, и сам Асмунд приветствовал их: он встревожился о своей дочери и был рад, что принял ее живой.

Гудруда рассказала ему все, как было, но не все, что было, и Асмунд позвал Эйрика Светлоокого в свой дом. Тогда же он осведомился о Сванхильде, но никто не видал ее, и Асмунд был очень опечален. Но вот пришла старая женщина и сказала, что Сванхильда на кухне, а вслед за тем пришла и сама она, в белом одеянии, очень бледная. Глаза ее сверкали страшным огнем.

– Где же ты была, Сванхильда? Я думал, что ты погибаешь в снегу вместе с Гудрудой! – сказал Асмунд жрец.

– Нет, приемный отец, я ходила в храм, а вот Гудруда чуть не погибла – и погибла бы, если бы ее не спас этот Светлоокый. Я рада, что он спас ее: без прекрасной сестрицы плохо было бы наше житье!

– проговорила Сванхильда и поцеловала Гудруду, но уста ее были холодны, а глаза горели недобрым огнем.

III. Как Асмунд жрец пригласил Эйрика к себе на праздник

Было время ужина, и мужчины сели есть мясо, а женщины прислуживали им. После трапезы люди собрались вокруг очага. Гудруда также пришла и села подле Эйрика, так что длинный рукав ее одежды касался его руки. Они не сказали друг другу ни слова, но сидели рядом и были счастливы, и это горечью наполнило сердце Сванхильды. Она пошла и села между Асмундом и Бьерном, его сыном.

– Посмотри, приемный отец, – сказала она, – какая красивая парочка там сидит бок о бок!

– Против этого никто не может слова сказать, – ответил Асмунд, – надо много земель изъездить, прежде чем встретишь другого такого мужчину, как Эйрик Светлоокый, а такой девушки, как Гудруда, не сыскать нигде между Миддальгофом и Лондоном, если не считать тебя, Сванхильда!

– Не говори обо мне, приемный отец! Что я такое? А вот если их поженить, то это будет выгодный брак для Светлоокого!

– А кто сказал тебе, что Эйрик получит Гудруду в жены? – строго сказал Асмунд.

– Никто, но у меня есть глаза и уши!

– А ты не доверяй ни тому, что видишь, ни тому, что слышишь. Тогда речи твои будут разумнее! – сказал Асмунд жрец. – Подойди сюда, Эйрик, и расскажи нам, как ты встретился с Гудрудой.

Тот рассказал, но не все, так как хотел сватать Гудруду только на другой день. Сердце его не предвещало ему счастья в этом деле, и потому он не спешил.

– В этом ты оказал мне и дому моему услугу, – промолвил Асмунд жрец, – так как я высоко ценю ее, как невесту, и отдам в жены только знатному и богатому человеку. Если бы она погибла в снегу, такой человек был бы лишен счастья порадоваться на ее красоту. А за услугу твою прими от меня в дар вот это, – и он, сняв с руки своей толстый золотой обруч, протянул его Эйрику, добавив, – в тот день, когда супруг Гудруды назовет ее своею женой, он подарит тебе другой такой обруч!

При этих словах колени Эйрика подкосились, и сердце замерло в груди, но он отвечал ясно и твердо:

– Дар твой был бы лучше без слов, но прошу тебя, возьми его обратно; я не сделал ничего, чтобы заслужить его. Быть может, настанет время, когда я попрошу у тебя более ценной награды за то, что ты считаешь заслугой!

– Никто еще никогда не отвергал моих даров! – гневно проговорил Асмунд. – Или ты – зажиточный землевладелец, что не придаешь цены золоту и не нуждаешься в нем?

– В золоте я не нуждаюсь, того, что я имею, хватает мне, но я свободный человек и не хочу принять дара, за который я не могу отплатить тем же! Вот почему я не хочу принять твоего обруча.

– Как хочешь! – проговорил Асмунд. – Гордость – добрый конь, если на нем ездить умеючи! – и он снова надел обруч себе на руку.

Затем все отошли ко сну, а Сванхильда пошла и пересказала все своей матери. Гроа засмеялась:

– Вот и хорошо! Асмунд в добром для нас с тобой настроении, и я сделаю так, что Эйрик не посмеет больше прийти сюда до того дня, когда Оспакар Чернозуб увезет отсюда Гудруду!

– Но если Эйрик не будет приходить сюда, мать, то как же я буду видеть его лицо? А мне надо видеть его ясные очи!

– Ну, уж это твое дело, безумная, но если он будет приходить сюда, то простись со своими надеждами! Как ты ни хороша, но Гудруда много лучше тебя, и как ты ни сильна, она сильнее тебя в этом деле. А про Эйрика скажу тебе, что он или добьется своего желания, или умрет под мечом Асмунда или Бьерна!

– Делай как хочешь, мать, но пусть он будет мой! – сказала Сванхильда.

– Ну, так я пойду к Асмунду, и прежде чем займется завтрашний день, Асмунд будет гневен и неумолим!

И Гроа пошла к закрытой пологом кровати Асмунда; он сидел на постели и спросил, зачем она пришла.

– Пришла я по любви моей к тебе и к дому твоему! Скажи, хочешь ли ты точно, чтобы дочь твоя, Гудруда Прекрасная, была Светлым Маем того долговязого поселянина Эйрика?⁸

– Этого у меня не было в уме! – ответил Асмунд, поглаживая свою бороду.

– Ну, так знаешь ли, сегодня твою любимую голубку этот поселянин ласкал и целовал, сколько душе его было угодно, там, среди снежного поля!

– Что же, могло быть и хуже! Они – красивая пара и будто созданы друг для друга!

– А если так, то все хорошо. Но все-таки жаль такую красавицу бросить, как завалящую вещь, простому поселянину. У тебя немало недругов, Асмунд: ты слишком богат и во всем имеешь удачу. Не разумнее ли было бы тебе воспользоваться этой девушкой, чтобы воздвигнуть себе ограду от врагов, отдав ее замуж за человека могущественного, сильного и богатого?

– Не привык я рассчитывать на купленных друзей, а только на свою силу да на свой меч. Но скажи, как мне это сделать, если бы я вздумал последовать твоему совету?

– Вот как: ты, верно, слышал об Оспакаре Чернозубе, жреце, что живет на севере и властвует там надо всеми, и все боятся его!

– Слышал и знаю его! Нет человека, равного ему по безобразию, как и по силе, богатству и могуществу. Когда мы вместе с ним ходили викингами в походы, он делал такие дела, что кровь во мне возмущалась, а в те годы и у меня было не мягкое сердце!

– С годами люди меняются, – продолжала Гроа колдунья, – только я знаю, что Оспакар пуще всего желает взять Гудруду себе в жены. Теперь, когда он имеет все, что только может иметь человек, ему не остается ничего более желать, как назвать своею женой женщину, красивее которой нет в Исландии. А с таким зятем, как Оспакар, кто посмеет пойти против тебя?

– Не так уж я уверен в этом, да и тебе, Гроа, не вполне доверяю! Этот Оспакар безобразен и гадок; стыд тому, кто отдал бы Гудруду Прекрасную такому человеку, когда сама она смотрит в другую сторону. Я клялся любить и беречь ее, и если Эйрик Светлоокый не столь богат и могуществен, зато красотой никто не сравнится с ним, да и рода он хорошего, честного, благородного, и всем мужчинам завидно глядеть на него!

– На все воля твоя, господин, но если ты хочешь отдать сокровище свое, за которое князья рады были бы отдать свои земли, этому Эйрику, то смотри – не всегда длится снежная пора; юная кровь кипит и не любит ждать! Ты или обручи ее с ним, или прогони его! Вот тебе мое слово!

– Язык твой, женщина, больно проворен и забегает вперед! Человек этот еще ничем не показал себя, и я хочу испытать его. Завтра я закажу ему дорогу к моему дому, и все пойдет так, как суждено судьбой. А ты теперь молчи, твои речи наскучили мне, лукавые они. Не знаю, что посулил тебе Оспакар за твое сватовство, только знаю, что ты бы от золотого обруча не отказалась!

На этом разговор кончился.

---

⁸ По скандинавским народным обычаям в конце июня, в Иванов день, выбирают Невесту Мая, которая объявляет, кто из юношей станет Женихом Мая. Обычно в это же время юноши выбирают себе невест.

А рано поутру Асмунд разбудил Эйрика, спавшего у большого очага большой горницы, сказав ему, что хочет говорить с ним. Эйрик пошел за ним к воротам, и здесь Асмунд спросил его:

– Скажи, Эйрик, кто научил тебя, что поцелуи устраняют холод в снежные дни?

– Кто сказал тебе, господин, что я испробовал это средство? – спросил Эйрик.

– Снег многое может скрыть, но есть такие глаза, которых и метель не слепит. Знай, Эйрик, что хотя ты мне люб, но Гудруда не для такого ничем не прославленного поселянина, как ты!

– Значит, моя любовь безрадостна, господин: я ведь люблю Гудруду Прекрасную больше жизни своей и хотел этим утром просить ее тебя себе в жены!

– Ну, так ты слышал мой ответ и знай, что если тебя еще раз видят наедине с Гудрудой Прекрасной, то не ее уста, а мой боевой топор поцелует тебя!

Эйрик повернулся и хотел идти к своему коню, как вдруг Гудруда подошла незаметно и стала между ним и отцом; сердце Эйрика дрогнуло от радости при виде ее.

– Слушай, Гудруда, – сказал Эйрик, – таково слово твоего отца, чтобы нам с тобой не говорить больше никогда!

– Это горькое и жестокое слово для нас, Эйрик, но на все есть воля отца!

– Жестокое ли мое слово, или нет, а только оно будет твердо, и ты не пойдешь больше целовать его ни среди снежной равнины, ни на цветущем лугу! – проговорил Асмунд.

– Мнится мне, что я слышу не твои слова, отец, а слова Сванхильды! – проговорила Гудруда. – Такие дела случались и с лучшими людьми, но отцовское слово для девушки – все равно, что ветер для травушки: и та, и другая должны склоняться!

– Солнце хоть за облаком будет ныне, а настанет день, когда оно выглянет из-за туч. До тех же пор будь счастлив, Эйрик!

– Так нет твоей воли, господин, и на то, чтобы я приехал сюда на твой праздник Юуль, как ты звал меня все эти десять лет? – спросил Эйрик.

Асмунд, разгневавшись на речь Гудруды, указал рукою на Великий Золотой водопад, что с громом и грохотом падал с гор, и сказал:

– Человек может прийти сюда тем или другим путем. От Кольдбека к Миддальгофу ведут два пути: один по проезжей дороге, а другой – через Золотой водопад. Но до сего времени ни один человек не избирал этого последнего пути. Я зову тебя к себе на праздник этим кратчайшим путем и клянусь, если ты явишься сюда через Золотой водопад, я встречу тебя с почетом, как желанного гостя. А если найду тебя мертвым в водовороте, то схороню по-соседски. Если же ты придешь сюда иным путем, то мои тралли заколют тебя у моего порога! – И Асмунд засмеялся, поглаживая свою длинную бороду: он знал, что никакой человек не может прийти этим путем.

Эйрик с усмешкой отвечал:

– Ну, так держи свое слово крепко! Быть может, я буду твоим гостем на празднике Юуле! – И, вскочив на своего коня, Эйрик поехал снежной равниной к себе на Кольдбек.

Тем временем Колль Полоумный пришел в Свинефьелль, что на севере, где стоит грозный замок Оспакара Чернозуба, в котором день за днем сотни мужчин садились за мясо. Колль вошел в большую горницу, когда Оспакар сидел за длинным столом, и широко раскрыл глаза, увидев Оспакара. Такого человека он никогда еще не видал: роста он был громадного, волосы его были черны как смоль, а на нижней отвисшей губе находилось большое черное пятно. Глаза маленькие и узкие; скулы торчали в стороны, как у лошади. Колль подумал, что плохо иметь дело с Оспакаром, и устранился своего поручения: Колль, хотя и полоумный был, но ничем не глупее умного, даже много хитрее всякого другого.

Оспакар, сидя на высоком седалище, в пурпурном одеянии и опоясанный своим славным мечом Молнии Светом, подобного которому не было другого, при виде вошедшего Колля крикнул своим зычным голосом:

– Кто та рыжая лиса, что залезла в мою берлогу?

– Зовут меня Колль Полоумный, слуга волшебницы Гроа! Надеюсь, что я здесь желанный гость!

– Это видно будет! – отозвался Оспакар. – Скажи, почему тебя зовут Полоумным?

– За то, что не больно охоч до работы!

– Ну, так все мои тралли совсем безумные и тебе сродни. А теперь скажи, что привело тебя сюда?

– Вот что! Прошла о тебе молва, что ты сулишь богатый дар тому, кто отыщет для тебя в жены самую красивую девушку в Исландии, и я попросил госпожу отпустить меня на время, чтобы дойти к тебе и рассказать про такую девушку!

– Ничего я никому не сулил, но всегда рад слышать про красивую женщину! – сказал Оспакар. – И готов взять себе в жены ту, которую найду достаточно прекрасной. Так говори, но, смотри, не лги, а то не помилую!

И стал ему Колль расхваливать Гудруду Прекрасную. Когда он кончил, Чернозуб сказал:

– Если девушка эта хоть наполовину столь прекрасна, как ты говоришь, то она может считать себя счастливой. Оспакар назовет ее своею женой. Если же ты налгал, то берегись, скоро одним мужем будет меньше в Исландии. Завтра я пошлю гонца сказать Асмунду, что думаю побывать у него на празднике Юуле, и тогда погляжу на эту девушку. А пока ты, Полоумный, садись с моими траллями и за труды свои получи вот это! – И Оспакар, сняв пурпурный плащ с своего плеча, бросил его Коллю.

– Ты хорошо сделаешь, если не промедлишь, – сказал Колль, – на такой цветок летит много пчел. Уже есть у нас на юге человек по имени Эйрик Светлоокый; и он любит Гудруду Прекрасную, и она любит его, хотя он простой поселянин и ему всего двадцать пять лет!

– Хо-хо! – захохотал Оспакар. – Мне уже сорок пять, но пусть этот молокосос не становится мне поперек дороги, а не то люди прозовут его Эйриком Одноглазым!

Немедленно к Асмунду был отправлен гонец, и показались ему слова Чернозуба любви. Он приготовил пир.

IV. Как Эйрик пришел через Золотой водопад

Накануне праздника Ююля прибыл в Миддальгоф Оспакар в роскошном вооружении, с большой свитой слуг и с двумя сыновьями – Гицуrom Законником и Мордом Младшим. Гудруда, стоя у женских ворот отцовского замка, увидела при свете месяца лицо Оспакара, и оно возбудило в ней отвращение.

– Приглянулся ли тебе, сестрица, тот, что приехал взять тебя в жены? – спросила Сванхильда.

– Задаром приехал! – отвечала Гудруда. – Ему меня не взять! Скорее я буду лежать на дне водоворота под Золотым водопадом, чем на его брачном ложе!

– Это будет видно! Оспакар и богат, и знатен, а ростом и сложением крупнее всех мужчин. Плохо придется Эйрику, если он попадет ему в руки. А придет Эйрик на праздник через Золотой водопад, как ты думаешь, сестрица?

– Ни один человек не может этого сделать и остаться жив! – сказала Гудруда.

– Ну, так он умрет, – сказала Сванхильда, – так как знаю, что он отважится на это!

– Тогда кровь его ляжет на тебя и на твою мать, ведь это вы вдвоем навлекли на нас эту беду. И что я сделала тебе, Сванхильда, что ты так противишься моему счастью?

– Что ты сделала мне?! – воскликнула Сванхильда, бледная и безобразная от гнева. – Ты отняла у меня любовь Эйрика. Я не оставлю этого так и не успокоюсь, пока не отниму у тебя его любви или не увижу и тебя, и его в когтях смерти!

– Непристойны слова твои для девушки! Не страшна ты мне, и не страшны твои козни; ты ли, я ли одержим верх, знай, что ты наживешь больше позора, чем радости, и люди, вспоминая тебя, будут говорить о тебе с хулой, называя скверным именем; Эйрик же никогда не полюбит тебя, зато ненависть к тебе будет расти в нем с каждым часом, хотя ты, может быть, и погубишь и его, и меня! – С этими словами Гудруда отвернулась от нее и отошла в сторону.

Между тем Асмунд жрец вышел во двор своего замка и приветствовал Оспакара Чернозуба, хотя он и не приглянулся ему. Взяв гостя за руку, он повел его в большую горницу, где было приготовлено все, и усадил на высокое седалище рядом с собой. Сюда слуги Оспакара внесли богатые дары для Асмунда, и тот много благодарил за них. Так как настало время для ужина, то мужчины сели за мясо, а женщины прислуживали им. Когда вошла Гудруда, а за ней и Сванхильда в горницу, то Оспакар посмотрел на Гудруду, и им овладело желание взять ее себе в жены; она же даже глаз на него не подняла.

– Так это та девушка, о которой я прослышал и что зовется Гудруда Прекрасная? Поистине, она прекрасна, и красивее ее никогда не рождалось женщины! – воскликнул Оспакар.

Мужчины ели, а Оспакар, кроме того, еще пил много пива и заморского вина, не сводя глаз с Гудруды Прекрасной. Но до того часа не сказал ни слова о том, зачем приехал.

Оба сына его также смотрели на Гудруду, и им она тоже казалась удивительно прекрасной, но Гицуру и Сванхильда приглянулась.

Так прошел вечер; настала ночь, пришло время всем отойти ко сну.

В тот же вечер Эйрик на своем коне доехал до Золотого водопада, до того места, где Золотая река ниспадает с высокой горы, каменной гряды, которая в этом месте вздымается до высоты сотни футов. Струя воды, падая вниз, раздваивалась на своем пути, от самого края обрыва сплошным рядом выступающих обточенных водою скал; это – так называемые Бараны Курдюки. Здесь водопад образует собой подкову, концы которой обращены к Миддальгофу, и одной общей струей ниспадает в бездонную пропасть, образуя страшный водоворот. Дальше река разветвляется надвое, опоясывая кольцом с двух сторон цветущую долину Миддальгофа. Восточный рукав называется рекой Ран, а западный – Лакса.

Подъехав к самому водопаду, Эйрик долго изучал его, рассчитывая в уме каждый шаг, каждое движение.

– Вряд ли человек может совершить это и остаться жив! – думал он. – Но я все же попытаюсь: великая слава ждет меня, если мне посчастливится; если же нет, то пусть Ньерд⁹ примет меня в свое царство, и я навек забуду про девичью красоту и про мучения любви!

Так он решил и, поворотив коня, вернулся домой.

Хотя Савуна, мать Эйрика, со смерти Торgrimура Железной Пяты потеряла свет очей своих и не могла видеть лица своего сына, но сердце сказало ей в этот вечер, что Эйрик затеял что-то недоброе.

– Что тебе, сын мой, или мясо тебе нынче не по вкусу было? – спросила она, узнав сына.

– Мясо было не худо, хотя и продымилось немного!

– Вот теперь я вижу, что с тобою что-то неладно, – сказала Савуна, – у тебя совсем не было мяса сегодня на ужин, а если человек не разбирает, что он ест, то или он потонул в любви, или на уме у него что-нибудь тяжелое. Скажи мне, сын, что тяготит твою душу?

Эйрик откровенно признался матери, что задумал; и она горько упрекала его, но он долго молчал, затем отошел ко сну, но прежде нежно поцеловал свою мать.

Наконец настал день праздника Юуля. Солнце не показывалось до часа пополудни. Эйрик поцеловал мать и простился с ней, затем, призвав тралля своего Иона, дал ему узел, обернутый в телячью шкуру; в этом узле была завернута его лучшая одежда. Эйрик приказал слуге взять коня и ехать в Миддальгоф, где сказать Асмунду жрецу, что Эйрик Светлоокый в час пополудни придет через Золотой водопад к нему на праздник.

Тралль послушался, невольно подумав в душе, что его господин лишился рассудка.

Между тем тот поехал на коне к Золотому водопаду. Здесь он простоял некоторое время, пока, наконец, не увидел, что из ворот замка Миддальгофа идет множество людей по снегу к подножию водопада, к тому месту, где крутится и пенится водоворот, посылая высоко вверх свои брызги и пену. В толпе Эйрик различил двух женщин и какого-то громадного мужчину, незнакомого ему.

Выглянувшее в это время солнце залило ярким светом весь водопад, реку и водоворот, но мороз был сердитый и резал лицо и руки, как мечом. А Эйрику пришлось сбросить с себя одежду и остаться в одной вязаной сорочке и нижних штанах и кинуться в студеную воду, чтобы доплыть до Бараньих Курдюков посередине реки. Река в этом месте была широка и текла так быстро, что несла целые стволы, как щепки, прямо в бездну. Эйрика тоже стало относить, и как он ни был силен и могуч, как ни боролся против течения, вода несла его все ближе и ближе к краю обрыва. Не успей он в последнюю минуту ухватиться за выступ одной из скал Бараньих Курдюков, тут бы ему и конец.

Ухватившись за скалу, он с минуту повис на ней, затем, подтянувшись на руках, сел верхом на нее и некоторое время отдыхал. Но вот он снова поднялся и встал на ноги; мороз прохватывал его и начинал леденить его члены. Сильным движением он расправил их, вытянувшись во весь свой богатырский рост, и люди внизу теперь только увидели, что он жив и благополучно переплыл реку. Посыпались приветствия. Теперь Эйрик стал спускаться по скалам Бараньих Курдюков, что было очень трудно, так как скалы были круты и отвесно спускались в бездну; кроме того, они были скользки от заледеневших на них брызг. Наконец, вода, сплошной стеной падая вниз по обе стороны, слепила ему глаза и оглушала своим шумом. Все-таки он спустился на целых пятнадцать сажень, и люди внизу дивились его ловкости и смелости.

Теперь Эйрику следовало спрыгнуть на торчавший одиноко выступ подводной скалы, прозванной Волчьим Клыком, по обе стороны которого бешено мчался соединившийся в один поток могучий водопад, разделенный вверху Бараными Курдюками. От последнего камня

---

⁹ Ньерд – бог мореплавания, рыболовства, охоты на морских животных.

Курдюков пространство ярдов в пять отделяло Эйрика от черневшего внизу Волчьего Клыка. Взглянув вниз, где, пенясь, сшибался поток, смельчак на минуту был охвачен ужасом, однако скоро оправился. И, не долго думая, отвязал обмотанный у него вокруг пояса канат, укрепил его одним концом за выступ скалы, а другой конец крепко привязал к своему ремennому поясу. В это время яркая радуга перекинулась, высоким сводом через пенящиеся воды водопада – и это показалось ему добрым предзнаменованием.

Точно камень, сорвавшись с пращи, прыгнул Эйрик и упал прямо на Волчий Клык, здесь с минуту пролежал неподвижно, собираясь с новыми силами, затем вполз на руках на самую вершину Клыка. Скала дрожала и стонала под напором воды, так что Эйрик едва мог держаться на ногах, когда встал, готовясь сделать последний, решительный прыжок. Члены Эйрика начинали коченеть; надо было спешить. С громким, торжествующим криком, как бы стараясь придать себе мужества, кинулся юноша в самый водоворот, описав на лету громадную дугу в воздухе. Зрители затаили дыхание, когда он, точно большой белый камень, мелькнул в воздухе, затем, среди пенящихся волн, оглушенный могучей струей падения вод, пошел было ко дну, но потом волнами его выбросило на поверхность. Тогда, призвав на помощь все свои силы, он, сильными толчками преодолевая последнее препятствие, окончательно всплыл и двинулся к берегу. Скоро и ноги его коснулись дна песчаной отмели, образовавшейся вокруг бездонной выбоины, куда устремлялся водопад, но течение подхватило его и неудержимо понесло в бездну. Эйрик рванулся вперед и несколькими ударами доплыл до берега, но тут упал обессиленный и лишился чувств.

V. Как Эйрик добыл себе меч Молнии Свет

Все жители невольно удивлялись мужеству Эйрика. В числе их был и Асмунд. При виде его Эйрик, придя в чувство, сказал:

– Ты звал меня к себе на праздник Юуль тем скользким путем! Вот я пришел! Принимаешь ли ты меня теперь, как обещал?

– Принимаю, лучше всякого другого гостя, – отвечал жрец, – ты отважный и сильный человек и совершил такой подвиг, о котором будут говорить люди, пока скальды¹⁰ будут петь и люди будут жить в Исландии!

– Пусти меня, отец, – вмешалась прибежавшая к юноше Гудруда, – видишь, Эйрик разбил о скалу, и кровь сочится из раны! – И девушка отвязала платок со своей шеи, перевязала рану его, затем накинула на него свой плащ, чтобы согреть. Никто не сказал ей ни слова.

После этого героя отвели в замок, где он отдохнул и переоделся в свое лучшее платье, а тралля своего Иона послал на Кольдбек сказать матери, что он остался жив. Но весь этот день Эйрик был слаб, и шум водопада наполнял его слух.

Оспакар и Гроа не рады были тому, что случилось, и жалели, что Эйрик остался жив. Все же остальные радовались этому.

Наступило время праздника, и как то было в обычае, праздновали его в храме, поэтому все мужчины пошли в храм. Когда все заняли свои места, привели откормленного вола, что нарочно был приготовлен для принесения в жертву богам. Его поставили перед жертвенником, на котором горел священный огонь, и Асмунд жрец заклал его, затем собрал кровь в золотой сосуд и окропил ею жертвенник и всех людей, собравшихся в храме.

После этого мясо вола разрубили на части и обмазали изображения богов растопленным жиром его, вытерев их тончайшим холстом. Наконец, мясо вола варили в котлах, висевших над кострами, зажженными в храме, – и тогда начался праздник.

Мужчины ели много и пили много пива и медов, и все были веселы, только Оспакар Чернозуб не развеселился, хотя пил больше всех; он видел, что Гудруда смотрела только на Эйрика и что они улыбались друг другу. Злоба забирала его, рука его крутила ремень, на котором висел его меч. Вдруг ремень развязался, и меч чуть не упал, но Оспакар вовремя удержал его рукой, причем тот наполовину выдвинулся из ножен, и все люди увидели, как ослепительное лезвие блеснуло при огне.

– Чудесный у тебя клинок, Оспакар, – проговорил Асмунд, – хотя здесь не место вынимать меч. Скажи, откуда он у тебя? Мне думается, теперь не куют уж таких мечей!

– Верно, – отвечал Оспакар, – другого такого меча нет в целом мире. Сковали его в стародавние времена карлики¹¹, и тот, кто поднимет этот меч, никогда не будет побежден. Это был меч короля Одина¹², и зовется он Молнии Светом. Ральф Рыжий похитил его из гробницы короля Эйрика и долго бился из-за него с могильными духами. Мой отец убил Ральфа, когда суда их сошлись в море и Рыжий, забыв про свой меч, стал биться секирой. Таким образом Молнии Свет достался отцу, а от отца мне. Посмотри на него, Асмунд, и скажи, видал ли ты когда другой такой меч!

---

¹⁰ Скальды – древнескандинавские поэты и певцы, в качестве сюжетов для своих песен использующие предания о подвигах королей, легендарных героев, о битвах викингов. Часто в их песнях воспевалась история какого-нибудь знатного исландского рода.

¹¹ Карлики (цверги) в скандинавских мифах воспеваются как искуснейшие кузнецы, изготовившие сокровища, ставшие атрибутами богов.

¹² Один – верховное божество у древних скандинавов, бог войны, покровитель битв и жертвоприношений. От Одина вели свой род многие королевские династии (в Англии, Дании и др.).

И он вынул его из ножен, и все мужчины столпились поглядеть на него. Лезвие было так широко и так блестяще, что никто не мог долго смотреть на него: блеск его слепил глаза. На мече находилась надпись во всю его длину, но прочитывать ее не мог никто.

– Ты, управительница, и в старинном письме сведуща и толковать искусна, посмотри, быть может, ты разберешь эти письмена! – проговорил Асмунд, обращаясь к колдунье Гроа.

Та прочла надпись так:

Зовут меня Молнии Свет, сковали меня карлики. Был я мечом Одина, и Эйрика мечом я был И Эйрика мечом я буду снова И там, где я паду, там должен пасть и он!

Слушая это, Гудруда взглянула на Эйрика Светлоокого. Оспакар, заметив это, очень разгневался, проговорив:

– Не смотри так, девушка, не об этом утенке желтоносом идет речь, не ему владеть Молнии Светом!

– Нехорошо, господин, метать насмешки, как сердитая женщина, и хотя ты велик и силен, но я не побоялся бы помериться с тобой! – заметил Эйрик.

– Молчи, мальчишка! – закричал на него Оспакар. – В какой игре можешь ты сравниться с Оспакаром?

– Я готов сразиться с тобой в броне и со щитом или в рукопашном бою с мечом или секирой, и пусть Молнии Свет будет наградой победителю!

– Нет, – сказал Асмунд, – я не хочу крови здесь, в Миддальгофе! Сразитесь лучше на кулаках и в рукопашной борьбе – это веселит взор людей, а с оружием в руках я не позволю здесь биться!

Тогда Оспакар охмелел от злобы и вина, и глаза его налились кровью, бешенство овладело им.

– И ты хочешь бороться со мной, со мной, которого никогда не мог даже приподнять от земли ни один человек? Так хорошо же! Я положу тебя лицом на землю и выпорю, как блудливого и наглого мальчишку. Пусть Молнии Свет будет залогом, а ты что можешь поставить против этого меча? Твоя жалкая нора и все твои земли не стоят его, в придачу со всеми твоими людьми и стадами!

– Я ставлю свою жизнь! – смело отвечал Эйрик. – Если я не добуду Молнии Света, пусть Молнии Свет поразит меня.

– Нет, этого я здесь не допущу! – воспротивился Асмунд. Тогда Оспакар засмеялся так, что все люди увидели его черные зубы, и сказал:

– Меч мой Молнии Свет светел, и светлы твои глаза, Светлоокый! Прозакладывай против моего меча твой правый глаз, если не робеешь, если же это страшит тебя, то бросим залог, только другого я не приму!

– Глаза – богатство бедного, и потому пусть будет, как ты сказал, – согласился Эйрик. – Завтра мы выйдем друг против друга!

– Завтра тебя назовут Эйрик Одноглазый! – с усмешкой проговорил Оспакар.

Праздник продолжался. Асмунд жрец, поднявшись со своего высокого седалища, стал провозглашать священные тосты. Сперва люди пили за победу над врагами, затем пили в честь Фрейра¹³, прося изобилия, затем в честь Тора, прося силы в битве, и в честь Фрейи, богини любви, после этого последовал тост в поминовение умерших, наконец, в честь Браги, бога наслаждений.

Когда и этот круговой кубок был выпит, Асмунд, снова поднявшись со своего места, согласно обычаю, спросил, не желает ли кто принести клятву в том, что он намерен совершить тот или другой подвиг.

---

¹³ Фрейр – брат Фрейи, бог растительности, урожая, богатства, Тор – бог грома и молнии, бог силы. Браги – бог-скальд, бог поэтов.

Тогда поднялся Эйрик Светлоокый и молвил:

– Господин, я желал бы принести клятву!

– Расскажи сперва, что ты задумал!

– Живет там, на Мшистой скале, близ Геклы, один берсерк, о котором по всей земле идет дурная слава, так как не много есть людей, которым бы он не учинил обиды. Зовут его Скаллаграмм. Человек он сильный, мощный и отважный, и многие нашли смерть от его руки, многих он ограбил, но я клянусь, что, когда дни станут длиннее, пойду к нему один и вызову на бой!

И все похвалили Эйрика, так как Скаллаграмм многим досадил.

Тогда Эйрик подошел к жертвеннику и, взявшись за священное кольцо у него и поставив ногу на священную плиту, как того требует обряд, громко произнес свою клятву.

Затем праздник пошел своим чередом, пока все не захмелели, кроме Асмунда жреца и Эйрика Светлоокого. Наконец все разошлись на покой.

Эйрик, крепко выспавшись, поутру встал еще до света и пошел выкупаться на реке; там он смазал все свои члены жиром тюленя, чтобы они были гибки и мягки. Возвращаясь с реки, он увидел у женских ворот Гудруду. Гудруда пожелала юноше счастья в борьбе, добавив:

– Хотя ты и потеряешь свой глаз, но я буду по-прежнему любить тебя и с одним глазом!

После этого Эйрик направился в замок. Скоро стали подниматься и прочие гости. Встал и Оспакар. Протрезвившись, он стал раскаиваться, что согласился прозакладывать свой меч, так как Молнии Свет был ему всего дороже, а глаз Эйрика ни на что не пригоден. А случится еще, что Эйрик одержит верх, – хотя этого он совсем не опасался, так как считался сильнее всех людей в Исландии, – тогда будет ему, Чернозубу, великое посрамление. Поэтому, завидев Эйрика Светлоокого, Оспакар крикнул ему грозно:

– Эй, слушай ты, Эйрик!

– Что тебе, Оспакар?

– Вчера мы порешили с тобой биться об заклад, но в нас говорили пиво и мед: ни тебе терять глаз, ни мне меч – не утеха. Так не лучше ли нам оставить это дело?

– Если тебя забирает страх, то пусть так! При этих словах Оспакар со злобой вскричал:

– Ах ты, щенок, так ты в самом деле хочешь выйти против меня? Да я переломлю тебе хребет с первого удара и вырву руками твой глаз прежде, чем ты успеешь подохнуть!

– Это может случиться, – сказал Эйрик, – но громкие слова не всегда влекут за собою громкие дела!

Скоро тралли пошли с лопатами и метлами и стали разметать снег в ограде. Разметя круг в тридцать пять футов, они посыпали сухим песком и золой, чтобы борцы не скользили, а снег накидали высокой стеной вокруг.

Тем временем Гроа, отозвав Оспакара в сторону, тихонько зашептала с ним:

– Знаешь ли, господин, мое сердце не предвещает тебе ничего доброго в этой борьбе. Что ты дашь мне, если я доставлю тебе победу?

– Я дам тебе две тысячи серебра!

– Хорошо, – сказала Гроа, – теперь не спрашивай меня ни о чем, и ты победишь.

Тогда Гроа призвала своего тралля Колля Полоумного и приказала ему густо смазать жиром подошвы башмаков Эйрика Светлоокого и подержать их над огнем, чтобы жир впитался в кожу, а затем поставить на прежнее место.

Скоро пришел и Эйрик и стал готовиться к борьбе. Взяв свои башмаки, он обул их, ничего не подозревая. Все вышли в ограду и встали вкруг кольцом, Эйрик и Оспакар друг против друга. Оба они были без верхней одежды, в одних вязаных тесных куртках и таких же штанах, на ногах были у них башмаки из бараньей шкуры, привязанные к ноге ремешками.

Судьей избрали Асмунда. Тот громко прочел, как надо бороться и как надо противника на землю положить: чтобы он бедрами, головой и плечами лег на землю, и так два раза.

Затем Асмунд потребовал, чтобы Оспакар отдал ему свой меч в залог, на что Чернозуб сказал, что тогда и Эйрик должен дать ему свой глаз в залог, но Асмунд жрец возразил:

– Меч твой мне легко будет вернуть тебе, если ты одержишь верх, а как я возвращу Эйрику Светлоокому его глаз, если он одолеет тебя?

И зрители согласились, что Асмунд рассудил правильно. Тогда Оспакар вынул из-за пояса небольшой стальной нож и приказал сыну своему Гицуру держать его наготове.

– Скоро ты узнаешь, молокосос, каково почувствовать нож в глазу! – крикнул он Эйрику.

– Скоро мы многое узнаем! – спокойно ответил Эйрик.

Оба противника, сбросив свои плащи, стали расправлять свои члены.

– Смотрите, Бальдр и тролль! – воскликнула Сванхильда, и все засмеялись. – Если Оспакар был страшен и безобразен, как тролль, то Эйрик был прекрасен, как Бальдр, прекраснейший из богов¹⁴.

Асмунд ударил в ладоши и тем подал знак для начала борьбы. Долго длилась она; ни тот, ни другой противник не могли одолеть друг друга. Оспакар трижды пытался поднять Эйрика с земли, но напрасно. Наконец, едва только Эйрик сделал шаг вперед, ноги его скользнули по песку, он ступил еще и еще раз поскользнулся – и на этот раз очутился на спине, запрокинутый по всем правилам.

Гудруда при виде этого сильно опечалилась. Но, удивленная странным скольжением ног Эйрика, незаметно пробралась к тому месту, где он сидел на снегу и отдыхал. Душа его была скорбна: он чувствовал, что его не сила одолела, а какое-то колдовство.

– Слушай, Эйрик, – прошептала Гудруда, – не падай духом! Посмотри хорошенько подошвы твоих башмаков.

Тот распустил ремешок, снял башмак с ноги и посмотрел на подошву. На морозе сало замерзло, и вся подошва была бела от сплошной коры льда.

Тогда гнев загорелся в ясных очах Светлоокого, и он воскликнул:

– Думалось мне, что я борюсь в честном бою с путным и сильным борцом, а не с обманщиками и хитрыми плутами! Смотрите! Удивительно ли, что я поскользнулся, а он положил меня? Видите, мои подошвы смазаны салом. Кто это сделал, на того ляжет позор из рода в род!

Тогда Асмунд жрец, взяв из рук Эйрика его башмаки и осмотрев подошвы, сказал:

– Эйрик Светлоокый правду сказал, есть среди нас подлый плут! Скажи, Оспакар, можешь ли ты отвести от себя такое обвинение?

– Я готов поклясться на священном кольце, что ничего не знал об этом, и если это сделал кто-то из моих людей, то он умрет! – ответил Оспакар.

– Это больше похоже на дело женских рук! – сказала Гудруда и многозначительно посмотрела на Сванхильду.

– Не причастна я к этому! – промолвила Сванхильда.

– Так поди и спроси твою мать! – гневно сказала Гудруда.

И все зрители громко закричали, что это великий срам, что борьба не в счет и надо начинать ее сначала. Теперь только Оспакар вспомнил, что посулил Гроа две тысячи серебра, но тем не менее стал спорить против возобновления борьбы, и Эйрик во гневе воскликнул: «Пусть будет так!»

Асмунд жрец сказал то же «пусть!» Но в душе поклялся, что даже если Эйрик будет побит, он не допустит, чтобы Светлоокый лишился глаза.

Эйрик и Оспакар снова схватились, и на этот раз борьба продолжалась долго. Оспакар не мог поднять Эйрика с земли, но, наконец, Эйрик ухватил Оспакара, и оба повалились на землю, затем снова вскочили, тогда Оспакар подставил ногу, чтобы опрокинуть соперника, но

---

¹⁴ Тролли по скандинавским народным поверьям – враждебные людям безобразные сверхъестественные существа. Бальдр – бог весны, солнца, света, прекраснейший юноша.

тот уловив его движение, зацепил его ногу своей левой ногой, а затем всей тяжестью своего корпуса разом налег ему на грудь – и Чернозуб запрокинулся на спину, точно срубленный ствол, на снег. Эйрик упал вместе с ним и лег на него всей своей тяжестью. Зрители закричали: «Повалил, повалил!» И все радовались победе Эйрика Светлоокого. Но это было еще не все. Передохнув немного, борцы снова схватились. Долго ни тот, ни другой не могли одолеть друг друга. Бешенство овладело тогда Оспакаром. Ощупав подле своей ноги босую ногу Эйрика, он со злобы наступил на нее со всей силы; кровь густой струей брызнула в стороны.

– Недоброе дело! Срамное дело! – закричали кругом зрители. Борьба продолжалась. Оба борца повалились было на землю, но скоро поднялись. Вдруг Эйрик отскочил в сторону. Оспакар устремился на него, как разъяренный бык, и, собрав все свои силы, сбил противника с ног, но тот в ту же минуту вскочил снова на ноги. Тогда доведенный до бешенства Оспакар впился своими черными зубами ему в плечо. Эйрик осторожно опустил руку от пояса соперника и, продев ему между ног, приподнял и со всего маха плашмя положил его на спину; тот так и остался в снегу.

VI. Как Асмунд жрец помолвился с Унной

С минуту длилось молчание. Затем зрители стали громко приветствовать Эйрика и прославлять его подвиг, а сам Эйрик как будто вдалеке слышал этот шум и крики и как будто во сне видел всех этих людей. Вдруг на него наскочил человек с поднятой секирой, и, не успев он отскочить в сторону, тут был бы ему и конец. Человек этот был Морд, младший сын Оспакара; взбешенный поражением отца, он хотел отомстить за него. Отскакивая от него, Эйрик замахнулся кулаком, и удар пришелся немного над ухом Морда; тот без чувств упал на отца, который все еще не мог прийти в себя.

Кругом сверкнули мечи, и зрители кольцом обступили Эйрика, чтобы охранить его от врагов, так как тралли и люди Оспакара были вне себя от посрамления такого прославленного на севере богатыря и силача. Люди же юга, с Миддальгофа и реки Ран, гордились Эйриком и громко прославляли его. Дело чуть не дошло до кровопролития, но Асмунд жрец крикнул северянам:

– Долой мечи! Здесь я не допущу кровопролития! Уберите эти тела там на снегу! – И люди Оспакара повиновались.

Оспакар теперь очнулся и сидел на снегу, безобразный от ярости и злобы. Кровь шла у него изо рта, из ушей и из носа от сильного напряжения; он был так гадок, что никто смотреть на него не хотел. Теперь Асмунд жрец подошел к Эйрику Светлоокому и, поцеловав его в лоб, проговорил:

– Эйрик – и сильный, и смелый, и честный человек, хвала и гордость всех людей юга! Я предсказываю тебе, что ты совершишь подвиги, каких еще никто до тебя не совершал в Исландии. Ты честно добыл этот чудесный меч, возьми его и носи с честью!

– Господин, – проговорил Эйрик Светлоокый, – если ты считаешь меня не последним человеком и чтить меня добрым словом, то прошу, обещай отдать мне свою дочь Гудруду Прекрасную; ведь ради нее я и совершил эти дела, за которые ты и все люди прославляют меня; ради нее я готов совершить еще больше.

Асмунд отвечал:

– Вот что я скажу тебе, Эйрик! Если ты будешь продолжать, как начал, то я обещаю, что не отдам Гудруду никому другому, кроме тебя. И еще скажу тебе, что вы двое можете помолвиться теперь же, так что, если нарушите ваши клятвы, срам падет на вас, а не на меня. Вот тебе моя рука порукой!

Эйрик взял руку Асмунда и, положив ее себе на голову, обратился к девушке:

– Слышала, Гудруда, ласковые слова отца? Подойди же сюда, и поклянемся при всех этих людях, на этом чудесном мече, что будем любить друг друга до самой смерти и будем верны друг другу, пока живы.

Гудруда подошла, и оба произнесли свою клятву над мечом, приложившись губами к сверкающему лезвию Молнии Света.

Сванхильда смотрела на них, и в сердце ее клокотала злоба. Оспакар же, придя теперь в себя, сидел на снегу, упершись лбом в землю; он чувствовал, что потерял теперь и свою славу, и меч, и жену.

– Я пришел сюда, Асмунд, – проговорил он, – чтобы взять твою дочь себе в жены. Это было бы хорошо и для тебя, и для нее. Но этот юнец колдовством осилил меня, и теперь я принужден слышать и видеть, как ты на моих глазах помолвил этих двоих. Подожди! Беда обрушится на тебя и на весь твой дом, а я навек будут твоим врагом! Ты же, Эйрик, знай, что мы еще раз встретимся с тобой. Нынче была только детская забава, мы сойдемся в броне и со щитом и с мечом наголо, и тогда ты увидишь, с кем имеешь дело! Я убью тебя, а девушку

силой возьму себе в жены, вырвав из твоих объятий, и тем же славным мечом Молнии Светом отрублю тебе голову! Слышишь?

– Ты, Оспакар, – чан, в котором много пены и мало воды! Хочешь, мы завтра же встретимся с тобой на поединке и решим то, что начали сегодня?

– Нет, у меня здесь нет меча. Но не бойся, я не запоздаю!

– Спеш! – сказал Эйрик и пошел в замок переодеться. На пороге попала ему Гроа колдунья.

– Ты насалила мои подошвы, мерзкая колдунья, – сказал он, – смотри, ты еще не жена Асмунда и никогда не будешь ею! Об этом я позабочусь.

– Если так, то берегись своей пищи и питья. Я не даром родилась среди финнов!

– Кошка начинает фыркать! – засмеялся Эйрик. – Это ей и пристало!

Но вот подошел к Эйрику Асмунд жрец и стал просить его, чтобы он вернулся к себе на Кольдбек, так как у Оспакара Чернозуба пропали кони, и пока их разыщут, Чернозуб должен будет остаться в Миддальгофе, а он, Асмунд, опасается, что, если они останутся под одной крышей, между ними выйдет кровопролитие.

Эйрик согласился и, поцеловав Гудруду, сел на коня, опоясавшись мечом Молнии Светом, и уехал к себе на Кольдбек.

Савуна, мать его, приветствовала его с великой радостью; он пересказал ей все, как было, и она жалела, что Торгримур Железная Пята, супруг ее, не был свидетелем подвигов сына.

После ужина Эйрик заговорил со своей матерью об Асмунде жреце и о родственнице Савуны, дочери брата ее Торода, Унне, женщине красивой и искусной во всякой домашней работе, и сказал, что неплохо было бы взять ее жить к ним на Кольдбек, прибавив, что Асмунду наскучила Гроа колдунья и он, быть может, будет рад взять себе в жены другую женщину.

– Пусть же будет так, как ты того желаешь, сын мой, – сказала Савуна, и на другой же день Унна поселилась в их доме. Действительно, после того, что Гроа сделала с башмаками Эйрика, она стала так противна Асмунду, что он не хотел видеть ее и стал подумывать, как бы не иметь с ней никакого дела.

И вот, когда Оспакар уехал из Миддальгофа, Асмунд поехал на Кольдбек к Эйрику и его матери и увидел Унну. Та сильно приглянулась ему, и он просил у Эйрика, чтобы он отдал ее в жены ему. Унна тоже не сказала «нет», и они помолвились, решив отпраздновать свадьбу по осени.

– Где ты был, господин? – спросила Гроа колдунья, когда Асмунд вернулся с Кольдбека.

И Асмунд сказал ей о всем. Тогда лицо ее исказилось от бешенства, и она стала призывать проклятие на него, на весь его дом и на весь народ.

Асмунд, вскипев гневом, вскричал:

– Перестань сейчас же твои заклинания, а не то ты будешь брошена, как колдунья, в водоворот под водопадом.

– А-а! В самом деле! В водоворот? Да, я вижу себя там; только ни твои глаза, ни глаза Унны не увидят этого; вы уже умерли раньше меня, да! – и она громко вскрикнула и, запрокинувшись навзничь, стала с пеной на губах кататься по земле.

Асмунд позвал к ней людей, а сам отошел прочь, подумав, что лучше было бы никогда не видеть ее смуглого лица.

После того Гроа десять дней была не в памяти. Дочь ее Сванхильда ходила за ней, а когда она пришла в себя, то пожелала увидеть Асмунда и, оставшись с ним одна, униженно просила прощения за свои недобрые слова, заявив, что она стала стара, худа и безобразна и покоряется своей судьбе. Пусть молодая хозяйка войдет в этот дом, но пусть и ей будет позволено в память о прошлом остаться смиренно в своем углу; пусть ее не гонят из замка. При этом она много плакала и говорила много ласковых слов Асмунду; сердце его разжалобилось, и он позволил ей остаться в доме.

Итак, Гроа осталась жить в Миддальгофе и была кротка и ласкова, как никогда раньше не бывала.

VII. Как Эйрик ходил против Скаллагрима берсерка

Случилось так, что добрый ярл¹⁵ Оркнейской страны Атли Добросердечный приплыл в Исландию, где унаследовал после матери своей Хельги земли и, управившись со своими делами, весной собирался вернуться домой, но ветры и непогода заставили его встать на время под ветер Западных островов.

Атли спросил, какой народ живет здесь, и, когда услышал об Асмунде сыне Асмунда, жреце Миддальгофа, душа возрадовалась: в старые годы он и Асмунд не раз совершали вместе морские походы викингов. Атли, взяв двоих из своих людей, сел на коня и поехал в Миддальгоф.

Атли был лучший из всех ярлов в те дни, за что народ и прозвал его Добросердечным. Было ему шестьдесят лет, но годы не тронули его; только длинная седая борода напоминала людям, что он прожил на свете немало лет. Кроме седой бороды, Атли был красивый, рослый, сильный мужчина, глаза его были ясны, речи разумны. Это был великий, славный воин и справедливый судья. Жена у него умерла много лет тому назад, не оставив ему детей, и это сильно огорчало его, но до сих пор он не взял себе другой жены. Он говорил: «Любовь ослепляет старого человека», – или: «Спутаешь седые кудри с золотыми – и обезобразишь две головы», – и многое другое. Прибыл Атли в Миддальгоф, когда мужчины садились за мясо. Асмунд сразу признал Атли, хотя почти тридцать лет не видал его, и, взяв гостя за руку, ввел в большую горницу, усадил на высокое седалище, а его людям приказал очистить место на длинных скамьях. По обычаю женщины служили. Старый Атли увидел Сванхильду, и она показалась ему удивительно прекрасна в белом одеянии с шелковистыми темными кудрями, румяными и пышными устами и глазами, синими и глубокими, как море.

---

¹⁵ Ярл – правитель. – Примеч. перев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.